

УДК 94(470.67) «17»

**ДАГЕСТАН И НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.**

Д.С. Кидирниязов

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

daniyal2006@rambler.ru

Аннотация: В статье показано, как в рассматриваемый период народы региона оказались в орбите интересов трех великих держав – России, султанской Турции и шахского Ирана. Россия испытывала большой интерес к кавказским делам, что было обусловлено как объективными обстоятельствами того времени, так и экономической политикой Российского государства, стремившегося в короткий срок создать национальную промышленность и развитую торговлю. Со своей стороны Турция также старалась не упустить своего шанса в регионе и, сохраняя видимость лояльных отношений с Ираном и Россией, пыталась использовать в своих интересах наиболее влиятельных северокавказских владетелей. Здесь же подробно освещается, что при всей неоднозначности происходивших в крае событий общая тенденция политических взаимосвязей между его народами, а также с Российским государством не только сохранялась, но и укреплялась. Все это было обусловлено общностью интересов и долгосрочных совместных исторических перспектив Северного Кавказа, в частности, Дагестана с Россией.

Abstract: The article shows how during the period under consideration the peoples of the region turned out to be in the circle of interests of three great powers – Russia, the Turkish Empire and Iran. Russia was greatly interested in the Caucasus, due both to objective circumstances of that time and the economic policy of the Russian state, that aspired in short time to create national industry and advanced trade. For its part, Turkey also tried not to miss its chance in the region, but making semblance of loyal relations with Iran and Russia it tried to take advantage of the most powerful rulers of the North Caucasus. The author of the article notes that in spite of ambiguity of the events that took place in this area, general trend of political relationships between the peoples and with the Russian state as well not only preserved, but strengthened. All this was due to common interests and long-term cooperative historical perspectives of the North Caucasus, particularly of Dagestan and Russia.

Ключевые слова: Россия, Порты, Персия, Кавказ, Дагестан, народы, взаимоотношения, война, договор, завоевания.

Keywords: Russia, High Porte, Persia, Caucasus, Dagestan, people, relationships, war, treaty, gains.

В начале XVIII столетия народы Северного Кавказа оказались в орбите международных интересов Порты, Персии и России. Россия твердо отстаивала свои интересы в крае, что было непосредственным образом связано с необходимостью обеспечения военно-политической и экономической безопасности на южных рубежах. Кроме того, особое значение приобретало утверждение Российского государства на Каспии. Это дало бы возможность вести всю европейскую торговлю с восточными странами через территорию России.

Султанская Турция, оставаясь одной из сильнейших военно-феодальных держав, усиливала свою военно-политическую экспансию на Кавказе и на юге Российского государства в связи с приходом к власти представителя наиболее агрессивных кругов османской знати – султана Ахмеда III (1703–1730 гг.). С самого начала своего правления новый турецкий правитель встал на путь завоеваний. При султанах Ахмеди III была построена крепость Еникале на побережье Черного моря. Кроме того, была сильно укреплена Керчь.

Турецкий султан разослал своих эмиссаров на Северный Кавказ (Дагестан, Чечню, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Адыгею) – с целью проведения активной

антироссийской пропаганды. Одной из ближайших задач Порты ставила возврат Азова. Потеря османами в войне с Россией Азова и появление русского флота в Азовском море заставили османское правительство особенно усиленно добиваться захвата Северного Кавказа и подчинения своей власти местных народов (*Смирнов Н.А.*, 1958. С. 58).

Северокавказский край нужен был османам как опора для его завоевательной политики, а также как противодействие росту влияния России в этом регионе (*Смирнов Н.А.*, 1958. С. 58).

Такая политика турецкого султана Ахмеда III вызвала всплеск агрессивной активности крымских ханов. Крымские правители почти ежегодно совершали разорительные походы на Северный Кавказ (в частности, на Кабарду в 1700 и 1701 гг.) (*Сокуров В.Н.*, 1976. С. 34).

В 1702 по приказу султана Турции был смещен крымский хан Девлет-Гирей. Это привело к восстанию в Крымском полуострове и на Кубани против османов. Восстание было подавлено, а крымский хан укрылся в Кабарде (*Сокуров В.Н.*, 1976. С. 34).

Вскоре османское правительство потребовало от нового крымского хана Салам-Гирея направить крымских татар и ногайцев в поход на Кабарду. Этот поход против кабардинцев состоялся летом 1703 г. во главе с калгой (второе лицо в государстве – Д.К.) Гази-Гиреем (*Смирнов В.Д.*, 1887. С. 704).

Между тем в 1704 г. некоторые вайнахские и кумыкские владетели намеревались заключить с крымским ханом союз с целью уничтожения русских укреплений на Тереке (*Махмудова К.З.*, 2012. С. 182).

Весной 1708 г. по требованию Порты крымский правитель Каплан-Гирей вторгся в пределы Кабарды с войском, состоявшим из крымских татар, турок и ногайцев, численностью более 20 тыс. человек (*Сокуров В.Н.*, 1976. С. 55). В этом походе, окончившемся полным поражением крымцев, вынуждены были принять участие некоторые адыгейские и ногайские отряды (*Главани К.*, 1897. С.20–21). В ходе нашествия крымцев произошла Канжальская битва. В этом кровопролитном сражении победу одержали кабардинцы. Погибло почти всё крымское войско, в Крым вернулось не более 5 тыс. человек (*Махмудова К.З.*, 2012. С. 182). Следует отметить, что поражение крымцев в 1708 г. было выгодно Петербургу. Воевавший с Россией шведский король Карл XII не мог уже в этих условиях привлечь на свою сторону Крым, что было важно в условиях многолетней Северной войны.

Необходимо отметить также, что слабость позиций России на Северо-Западном Кавказе дала возможность Крыму с помощью султанской Турции укрепить свое политическое влияние среди западных адыгов и ногайцев. Они платили крымскому хану дань (в частности, рабами) и должны были поставлять значительные контингенты войск в случае военных действий.

В 1707 г., узнав от терских ногайцев, что калмыцкие улусы появились близ Терека, чеченцы совместно с ногайцами и кумыками выступили против калмыков, но те успели перебраться в Волге (*История Чечни*, 2008. Т.1. С. 371). В следующем, 1708 г. около 700 ногайских воинов участвует в восстании чеченцев. Местные народы подверглись карательным акциям Петра I, обязавшего калмыцкого правителя Аюку послать войска и разорить «чеченцев и терских ногайцев» в отместку за участие в восстании (*Ахмадов Я.З.*, 2001. С. 345).

В годы Северной войны российское правительство внимательно следило за развитием событий в Персии. В первой четверти XVIII в. шахский Иран переживал глубокий экономический и политический кризис. Все возрастающая феодальная эксплуатация крестьянства, трудового населения городов привела к подрыву сельского хозяйства и ремесла. Иранское государство подрывали также непрекращавшиеся феодальные междоусобицы, коррупция, разложение шахского двора и т.д. Пользуясь сложившейся ситуацией, султанская Турция решила осуществить свою давнюю мечту: прибрать Кавказ к своим рукам. Об этом хорошо знала Россия.

Российское правительство не собиралось уступать никому этот важный в стратегическом отношении край, который обеспечивал безопасность южных границ Российского государства, а также служил надежным плацдармом для связи с народами Южного Кавказа. А укрепление своих позиций в Дагестане открывало возможность для России контролировать всю европейскую торговлю с восточными странами. Не случайно Петр I ещё в 1700 г. дает указание астраханскому воеводе Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами» (Кавказ, 1869. № 147). Одновременно российские власти, учитывая осложнившуюся обстановку в связи с тем, что Порты «начинает помышление о войне», запросили азовского губернатора, «похотят ли они (северокавказские народы. – Авт.) с нами заодно быть» (*История народов Северного Кавказа*, 1988. С. 408).

Совершенно очевидно, что утверждение Порты в Прикаспии не только ослабило бы сильно позиции Российского государства, но и создало бы реальную угрозу юго-восточным рубежам

страны. Поэтому основной задачей похода Петра I на Кавказ было предотвратить овладение Османской империей Южного Кавказа и Прикаспия. К тому же, в планах российского правительства, Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Россия с присоединением Прикаспийских областей надеялась обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность страны.

Российское правительство, в полной мере оценившее важность Северного Кавказа в борьбе с Портой и разваливающейся Персией, несмотря на занятость подготовкой в Прутском походе, нашло возможность направить 10-ти тыс. корпус в северокавказский регион, тем самым продемонстрировав нарастающую военную мощь Российского государства.

Для усиления влияния России в регионе в 1711 г. в Дагестан и Кабарду был направлен адыгский князь А. Бекович-Черкасский, находившийся на русской службе. В июне 1711 г. снабженный грамотой Петра I на Северный Кавказ прибыл А.Б. Черкасский. Основная цель миссии А.Б. Черкасского была помешать враждебным действиям кубанских владетелей, подданных султанской Турции (Письма, 1962. Т.2. С. 122–123).

По пути следования в северокавказский край А.Б. Черкасский побывал у калмыцкого тайши (правителя – Д.К.) Аюки и вел с ним переговоры об участии калмыцких отрядов в военных действиях против кубанцев (*Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.*, 1996. С. 66). Кроме того, прибыв на Северный Кавказ, А.Б. Черкасский обратился к местному населению с призывом объединения в борьбе против султанской Турции и Крымского ханства (*Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.*, 1996. С.66–67). Адыгский князь в своем обращении, напомнив местным правителям об их многочисленных жалобах на султанскую Турцию и её вассала – Крымского ханства, а также об обещании Петра I защитить их от недругов, посоветовал: «... вам надлежит к себе таковую его царского величества милость, в начале показать к нему, великому государю, свою службу и, собрав войска свои, итти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск» (*КРО*, 1958. С. 4–5). О пророссийской ориентации местного населения указывает тот факт, что летом 1711 г. северокавказцы вместе с российскими войсками предприняли поход на Кубань против крымцев (*История народов Северного Кавказа*, 1988. С. 408).

В конце августа 1711 г. северокавказский отряд под командованием А.Б. Черкасского встретился в бою на землях кубанцев с 15-тыс. кубанскими войсками крымского царевича Нурадина. Для адыгов это сражение закончилось успешно. После этой битвы отряд А.Б. Черкасского углубился в Прикубанье. А.Б. Черкасский ждал вестей от казанского губернатора П.М. Апраксина, с которым совместно действовали отряды казаков и калмыков. Черкасский хотел договориться с казанским губернатором о совместных действиях. По замыслам А.Б. Черкасского, П.М. Апраксин должен был нанести удар по крымским войскам в Закубанье с северо-востока (*Кидирниязов Д.С.*, 2003. С. 147–148). Однако П.М. Апраксин не выполнил данного обещания и повернул назад.

Почти год пробыл А.Б. Черкасский на Северном Кавказе (*Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.*, 1996. С. 67).

Между тем Порты и Крымское ханство продолжают вести подрывную деятельность в регионе, стремясь ослабить здесь влияние России, разобщить местные народы, противопоставляя их друг другу. Так, осенью 1712 г. адыгские послы в Посольском приказе говорили о попытках Крыма склонить дагестанских владетелей Султан Махмуда, Адиль-Гирея «и других тамошних» кумыкских князей к совместному нападению на Кабарду для приведения адыгов в подданство Крымского ханства (*КРО*, 1958. Т. 2. С. 11).

Весной 1714 г. Петр I предложил Правительствующему Сенату учинить совет, «каким образом их (северокавказских народов – Д.К.) к нашей стороне склонить». На рассмотрение Сената была представлена обстоятельная справка, в которой содержалась характеристика политической обстановки, сложившейся на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане, в результате происков султанских эмиссаров в крае (*РДО*, 1988. С. 4). В документе обращалось внимание российского государя на агрессивные планы султанской Турции по отношению к региону, в том числе и Дагестану, указывая, что османы пытаются на Северный Кавказ «волю свою привести». Поэтому Сенат советовал государю не допустить султанской Турции покорить край, а также обращалось внимание на то, что утверждение Порты в Прикаспии будет представлять серьезную угрозу южным рубежам страны (*РДО*, 1988. С. 4).

В 1715–1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование Северо-Восточного Кавказа производил А.П. Вольнский. Он предлагал Петру I «кумыцкий народ» принять в подданство России (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 104).

Как выше отмечалось, владетели Дагестана, земли которых были близки к южным границам России, поддерживали с ней тесные торгово-экономические связи, некоторые из них ориентировались на Россию и обращались к ней с просьбой принять их в своё подданство.

В 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей обратился к российскому государю «с неприятельными вашим противися от сердца желаю..., я от него, шаха, отложился и к вам, российскому государю, поддался и службу принял». Дальше Адиль-Гирей пишет: «и ныне в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаги, и казикумуки, и их сильные князи и начальники и старшины здесь суть согласившись вашу службу принять поддались» (РДО, 1958. С. 225–226).

С такой же просьбой тарковский правитель обратился и в 1719 г. Вслед за ним к российскому правительству и другие владетели Засулакской Кумыкии (РДО, 1958. С. 226–227). В конце августа 1730 г. адыгские князья во главе с А. Кайтукиным сообщили Петру I о совместном походе с донскими казаками против «недругов», о нападении на них крымцев и разорении их и просили прислать на помощь терских и донских казаков и кумыков» (КРО, 1957. Т. 2. С. 154). Как выше указывалось, в этот период Россия была занята Северной войной. Поэтому победоносно завершив в 1721 г. Северную войну, российское правительство решило добиться присоединения прикаспийских владений к Российскому государству. К маю 1722 г. была завершена подготовка к Каспийскому походу. 27 июля 1722 г. российские войска высадились в Аграханском заливе (Лыцзов В.П., 1951. С. 121).

Следует отметить, что Каспийский поход (1722-1723 гг.) Петра I не приобрел тех масштабов, которые планировались перед его началом. Для Российского государства было важно в тот период не оказаться втянутым в военный конфликт с султанской Турцией, которую обеспокоил выход русских войск в Прикаспии. Однако этот поход позволил царю Петру I, первому из российских правителей, по-настоящему оценить стратегическое значение кавказского региона в борьбе с Портой.

Именно тогда, с возникновением восточного вопроса, ставшего одним из важнейших в доктрине России, встал вопрос о присоединении Кавказа к России.

В ходе Каспийского похода на территории Дагестана была заложена очень важная в стратегическом отношении крепость Святого Креста (Бутков П.Г., 1869. Ч. 1. С. 32–33). Постройка этой крепости свидетельствовала о попытке России усилить свои позиции на Северном Кавказе. К 1724 г. было завершено строительство крепости Святой Крест, куда были переведены гарнизон и жители Терского города. По указу Петра I «от крепости Святого Креста по Аграхани» было поселено 1 тыс. семей донских казаков (РДО, 1958. С. 280). У крепости Святой Крест поселились после упразднения крепости Терки выходцы из северокавказских народов (народы Дагестана, вайнахи, адыги и др.), которые образовали здесь «татарскую слободку» (Гаджиев В.Г., 1965. С. 118).

Постройка крепости всего в 40 км от Тарков обеспокоила тарковского шамхала, что было использовано османами. Сооружение крепости Святой Крест, – писал И.Гербер, – шамхалу «сумнительно и для других всяких дел, которые он себе в обиду почел, а больше для шемахинского хана ... и турков, которые его подговаривали, чтоб он российскую партию оставил, их правительству внял, и притом обещали ему не только яко правоверному мусульманину против России сильною рукою охранить и оборонять» (Гербер И.Г., 1958. С. 72).

Осенью 1725 г., чтобы наказать шамхала, был отправлен отряд под командованием ген.-м. Кропотова. Кропотков разорил «Усмийскую, Тарковскую, Ирпелинскую и многие другие деревни, ... рассеял ногайцев, ... изменивших России» (Бутков П.Г., 1869. Ч. 1. С. 81). Вскоре ногайцы «некоторые опять в жилища возвратились, к крепости Святого Креста» (Бутков П.Г., 1869. Ч. 1. С. 83).

Союзник тарковского шамхала Адиль-Гирей кабардинский князь А. Кайтукин не оказал ему поддержки, в связи с чем шамхал был вынужден обратиться за помощью к Крыму, но её он не получил. После этого, в сентябре 1725 г., поддавшись уговорам кабардинского владетеля А.Кайтукина, шамхал Адиль-Гирей прибыл в лагерь российских войск за прощением. Однако Адиль-Гирей был арестован и сослан в Архангельскую губернию, где и умер (Бутков П.Г., 1869. Ч. 1. С. 82–83).

После смерти императора Петра I в России началась борьба различных группировок за власть, заметно ухудшилось внутреннее и международное положение страны. В этой обстановке встал вопрос, как быть с прикаспийскими провинциями Кавказа. Часть правящей верхушки Петербургского двора высказывалась за возвращение их шахскому Ирану. В то же время Петербург, опасаясь вторжения османов, воздерживался от немедленной передачи Прикаспия Персии (История Дагестана, 1967. Т. 1. С. 356).

Между тем под влиянием европейских держав (Англии и Франции) 12 января 1732 г. был подписан Керманшахский договор между султанской Турцией и шахским Ираном, по которому шах уступил султану Тифлис, Ереван, Шемаху с Ширванской областью и Дагестан (*Гаджиев В.Г.*, 1996. С. 72).

Следует отметить, что в конце 20-х – начале 30 гг. XVIII в. положение в Иране несколько стабилизировалось. Упорная и длительная освободительная борьба покоренных народов против турецких завоевателей позволила шаху Тахмаспу сохранить своё влияние в Персии, где на политическую арену выдвинулся талантливый полководец Надир. Последний, став всесильным регентом при малолетнем сыне Тахмаспа Аббасе III, 21 января 1732 г. подписал с Россией Рештский договор, а затем возобновил военные действия против Порты (*Сотавов Н.А.*, 1989. С. 122). Необходимо отметить, что мирный трактат предусматривал важные территориальные уступки со стороны Петербурга (*Махмудова К.З.*, 2012. С. 262). Например, в договоре содержалось обещание возвратить Ирану Баку и Дербент, когда Надир окончательно освободит иранские земли от османов и утвердится на шахском престоле (*Маркова О.П.*, 1966. С. 122).

Необходимо указать, что подписание Рештского договора 1732 г. изменило соотношение сил на Востоке в пользу шахского Ирана, что вызвало ответную реакцию со стороны Порты. Стамбул, недовольный подписанием этого договора, способствовавшего сближению Персии с Россией, стал обострять обстановку на Северном Кавказе, провоцируя пограничные конфликты с помощью крымского хана Каплан-Гирея с запада и казикумухского владетеля Сурхай-хана с юга. По прямому подстрекательству Стамбула Бахчисарай выступил в претензиями на Кабарду и часть территорий адыгов на Северо-Западном Кавказе. Поддерживая эти притязания, султанская Турция ссылалась на то, что «в реестрах при Порте находится», что Кабарда и Северо-Западный Кавказ «от сего хана зависят». Стремясь создать простор для агрессии крымского хана на Центральном Кавказе, османское правительство настаивало на провозглашении Кабарды нейтральной территорией. Естественно, российские власти не могли с этим согласиться и представили справку «О Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской империи» (*Юдин П.*, 1913. С. 160). Сам крымский правитель Каплан-Гирей выступил с угрозами «не токмо Кабарду разорить, но и в Россию татар и запорожцев послать», объявляя себя в «состоянии Россию плетью замечать» (Цит. по: *Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 186).

Одновременно османы готовили Сурхай-хана для нападения на Дербент, Низовую и Кубу, чтобы местных жителей «пришев с войсками разорить ... и на свою сторону привести» (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 186). Но выполнить казикумухскому владетелю эту задачу, вызвавшую недовольство своих подданных проосманской ориентацией, не удалось. Петербург, со своей стороны, в качестве ответных мер летом 1732 г. привел в боевую готовность российские войска на Дону и Тереке. Кроме того, Россия взяла Кабарду открыто под свою защиту. Османы вынуждены были отступить, обещая отправить крымскому хану фирманы воздержаться от похода на Северный Кавказ (*КРО*, 1957. Т. 2. С. 69–70).

Однако эти заверения Порты вовсе не означали отказа от своих замыслов в крае. Так, на Северо-Восточном Кавказе Сурхай-хан Казикумухский продолжил свои действия, направленные против России (*Махмудова К.З.*, 2012. С. 263).

Между тем положение на Северо-Восточном Кавказе оставалось сложным. Надир, ставший фактическим правителем Персии, отверг Керманшахский трактат 1732 г. и стал готовиться к продолжению войны с султанской Турцией за возвращение захваченных османами персидских территорий, особенно в Дагестане и Ширване. Известия об этом, естественно, вызвали обеспокоенность правительства Порты. Так, в Бахчисарай был направлен срочный фирман турецкого султана быть готовым к предстоящей войне с персами (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 187).

Для принятия общего командования над всеми османскими войсками на Кавказе был отправлен бывший великий визирь (глава правительства. – Авт.) Топал-Осман-паша. Вместе с ним Сурхай-хан также получил приказ быть со своими отрядами в боевой готовности, ожидая сигнала от султанских командующих. Получив конкретное предписание, крымский хан снова развернул активную деятельность в регионе, обратился с письмами к адыгским и кумыкским владельцам, призывая перейти на сторону Порты и Крымского ханства. Кроме того, по приказу хана Каплан-Гирея кубанский сераскер (командующий османской армией – Д.К.) Хаджи-Гирей обратился к находившимся в российском подданстве владетелям Северо-Западного Кавказа «с возмутительными письмами, чтоб они ... имели по единозаконству с ними салтаном сообщение и с неприятелями ... поступали неприятельски» (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 188).

Необходимо указать, что действия Бахчисарая, выработанные в Порте, активно поддерживались и подталкивались Францией. Находившийся на французской службе венгерский майор барон Тотт, направленный в Крым со специальным заданием из Версаля, подготовил корпус крымской конницы для отправки через Кабарду, Чечню и Дагестан в Южный Кавказ. Французский посол в Турции Луи де Вильнев энергично настраивал нового великого визира Али-пашу Хаким Оглы против России. Следует отметить, что вопрос о походе крымцев через Северный Кавказ детально обсуждался с великим визирем с участием французского посла (Сотавов Н.А., 2000. С. 88–89). Таким образом, над Северным Кавказом нависла угроза. Российский посланник в Порте И.И. Неплюев дважды заявил протест султанскому правительству, требуя оставить народы Северного Кавказа «в покое» (Сотавов Н.А., 2000. С. 92).

Между тем к осени 1732 г. положение султанской Турции осложнилось. От правителя Багдада Ахмед-паши было получено известие, что Надир активно готовится к войне с османами (Сотавов Н.А., 2000. С. 93). Для борьбы с шахским Ираном в 1733 г. турецкий султан снаряжает в Южный Кавказ через Дагестан сильный корпус из крымских татар, кубанских ногайцев и западных черкесов во главе с Фетхи-Гиреем (Бутков П.Г., 1869. Ч. 3. С. 48).

В конце марта – начале апреля 1733 г. крымский хан от имени турецкого султана Махмуда I обратился с воззванием к северокавказским владетелям, склоняя их на свою сторону для содействия проходу крымских войск через Кабарду, Чечню и Дагестан (Сотавов Н.А., 1991. С. 86).

Следует отметить, что эти воззвания турецкого султана и крымского хана не встретили той поддержки среди местных народов. Воззвания, адресованные чеченскому владетелю Патуду, кайтагскому уцмию Ахмед-хану, эндириевскому князю Айдемиру и сыну тарковского шамхала Хасбулату, были вручены ген. В.Я. Левашову (КРО, 1957. Т.2. С. 79–80).

Заклучив перемирие в феврале 1733 г. с Надиром, Порты стала форсировать поход крымцев через Дагестан. Вполне сознавая, что крымские войска должны пройти через российские владения или владения подвластных России адыгских, чеченских и дагестанских владетелей, что противоречило духу российско-турецкого трактата 1724 г., турецкий султан послал фирман (указ – Д.К.) хану Каплан-Гирею «чтоб немедленно послал татар в Персию тем путем, который он вновь усмотрел чрез кавказские горы» (Кидирниязов Д.С., 2011. С. 224). Крымскому хану предлагалось «выступить против персов и привлечь себе горские племена Северного Кавказа от устья Кубани до русской границы и идти к Дербенту» (Гаджиев В.Г., 1996. С. 77).

Таким образом, Северный Кавказ вновь выдвинулся на передний план в политике России и султанской Турции, став предметом острого спора между правительствами обеих стран. Следует отметить, что, отстаивая свои интересы в крае, Россия брала под свою защиту кабардинцев, чеченцев, дагестанцев и другие местные народы (Сотавов Н.А., 2000. С. 95).

Не случайно по указанию своего правительства И.И. Неплюев проявил большую активность, чтобы разоблачить происки Порты и не допустить похода Каплан-Гирея через территорию Северного Кавказа. В начале марта 1733 г. российский посланник представил османскому правительству письменное «объявление» о том, что в тех краях «никакого иного пути к проходу нет, кроме лежащего через кабардинские, кумыкские и дагестанские места». Добившись в тот же день, 1 марта, аудиенции у великого визира, И.И. Неплюев заявил, что «все эти места» находятся в подданстве России и «ни один татарин намеренным путём в Персию не дойдёт» (Кидирниязов Д.С., 2011. С. 225).

Кроме того, российский посланник в Турции И.И. Неплюев отправил донесения принцу Людвигу Гессен-Гамбургскому в Кизляр, ген. Д.Ф. Еропкину в Святой Крест и ген. В.Я. Левашову в Гилян, предлагая им принять срочные меры, чтобы в случае приближения крымских войск «к кумыкам и прочим горским народам самим с войском выступить и татар ... оружием отвадить яко явных неприятелей» (Цит. по: Кидирниязов Д.С., 2013. С. 190).

Пока шла словесная дуэль между правительствами России и Порты, на Северном Кавказе начались военные действия. 4 июня 1733 г. сопровождавший крымское войско Мустафа Ага обратился к стоявшему в гребенских городках ген. Д.Ф. Еропкину с требованием пропустить крымский корпус.

Получив отказ от российского командования с предупреждением, что дальнейшее продвижение крымских войск будет отращено «вооружённой силой», крымцы вынуждены были двигаться зигзагами (Сотавов Н.А., Касумов Р.М., 2008. С. 82). Чтобы не встретиться с основными российскими отрядами, крымцы переправились через Терек выше гребенских городков во владения чеченских владетелей. Для преграждения пути крымским войскам ген. Д.Ф. Еропкин стал у р. Белой, куда прибыл с небольшим отрядом сам главнокомандующий принц Евгений

Гессен-Гамбургский. На второе требование российского командования прекратить поход Фетхи-Гирей ответил отказом. 11 июня 1733 г. 25-ти тыс. крымский корпус вышел из гор у с. Горячевской, но в бою с русскими войсками был отбит с большими потерями. В ходе ожесточенного сражения крымские войска были отброшены на 10 верст назад, потеряв в бою до 1 тыс. человек и 12 знамен. После этого крымцы обратились к населению Чечни и Дагестана с призывом «к бунту, чтобы они с Фетхи-Гиреем Султаном против россиян и российских войск неприятельски действовали» (Соловьев С.М., 1993. Кн. 10. Т. 20. С. 380). Калга Фетхи-Гирей от имени турецкого султана Махмуда и крымского правителя Каплан-Гирея раздавал наиболее влиятельным северокавказским владетелям воинские звания, ценные подарки и денежные вознаграждения, чтобы привлечь последних на свою сторону. Но эти мероприятия не имели успеха (Сотавов Н.А., 2000. С. 97–98). Крымцы остановились в чеченских землях, чтобы «возмутить» местное население против русских (Соловьев С.М., 1993. Кн. 10. Т.20. С. 380).

Получив сведения об этих событиях, великий визир возобновил требования о пропуске крымцев, угрожая в противном случае войной.

Необходимо указать, что в этот ответственный момент главнокомандующий принц Евгений Гессен-Гамбургский проявил полную беспечность. Против двигавшегося из Чечни крымского корпуса была выслана с запозданием небольшая команда под начальством полковника Ломана, не сумевшая дать им надлежащий отпор. Воспользовавшись этим, калга (второе лицо в Крыму – Д.К.) Фетхи-Гирей договорился с чеченским владетелем А. Баргыхановым, кайтагским уцмием Ахмед-ханом, которые, следуя через Терек, Аксай, Ямансу, Койсу, Тарки, провели «оных крымцов и кубанцов через свои владения за Дербент к Шемахе» (Кидирниязов Д.С. 2011. С. 228).

Следует отметить, что от Дербента к войску Фетхи-Гирея присоединились зависимые от уцмия Ахмед-хана кайтагского старшины. Сыновья Сурхай-хана были обласканы крымским калгой, а уцмию Ахмед-хану Фетхи-Гирей сообщил, что ему присвоено турецким султаном титул трехбунчужского паши (высший титул в Порте, равный званию визира. – Авт.) (Алкадари Г.-Э., 1994. С. 75).

Что касается табасаранских владетелей Магомед-бека и Рустем-кади, то они не примкнули к крымскому калге. Муртузали, сын кадия Рустема и племянник Темир отказались перейти на сторону Фетхи-Гирея и ушли с российскими войсками в Дербент. За пророссийскую ориентацию от правительства Муртузали стал получать «годовое жалованье» в 150 руб., а Темир – «в приказе, а не в оклад» – 50 руб. (ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 168. Л. 11)

В июле на подступах к Дербенту российские войска атаковали крымцев, нанесли им ощутимый ущерб, но часть корпуса калги Фетхи-Гирея пробралась через заслон, с помощью Сурхай-хана Казикумухского отбилась от джарцев, по горным тропам через земли табасаранцев вторглась в Ширван и оттуда соединились с турецкими войсками на берегу р. Куры (Бутков П.Г. 1869. Ч. 1. С. 125).

В начале сентября 1733 г. в Стамбуле были получены письма от казикумухского владетеля Сурхай-хана и Фетхи-Гирея, что крымские войска под командованием Фетхи-Гирея «кафкаские горы прошли, с Сурхаем соединились и путь в Персию продолжают» (Сотавов Н.А., 2000. С. 99).

Сурхай-хан писал, что Фетхи-Гирей, оказавшись в критическом положении, обратился к нему за помощью, указывая, что «с одной стороны нашей кайтаки, а с другой стороны – табасаранцы, а мы де стали между ними, и ежели вы с войсками к нам поедете, и мы де отсюда к вам приблизимся» (Кидирниязов Д.С., 2013. С. 192). Казикумухский владетель не замедлил отозваться на просьбу крымского калги. Для встречи крымского войска Сурхай-хан прибыл на Самур и в сопровождении своего племянника Карат-бека отправил их на Куру (Сотавов Н.А., 2000. С. 99).

О продвижении крымского корпуса через Чечню и Дагестан сам Фетхи-Гирей сообщал сераскеру в Гяндже Али-паше следующее: ввиду угрозы со стороны российских войск в гребенских городках он задержался в Чечне у горы Герзели в местечке Гудермес 17 дней, но, не найдя другого пути, «оставя 12 часов езды вышли к дагистанской стороне», ведущей к Дербенту, куда прибыли через 12 дней с остатками войск после сражения у деревни Горячевской. На подступах к Дербенту российские войска снова атаковали крымцев, в силу чего они «40 дней стоять на том месте принуждены были» (Кидирниязов Д.С., 2011. С. 228).

Со своей стороны, российские власти в регионе предприняли ряд мер для восстановления спокойствия в крае после похода крымцев. Против кайтагского уцмия был послан отряд под командованием полковника Ломана, который занял резиденцию Ахмед-хана Башлы, опустошил и сжёг её (Муртазаев А.О., 2007. С. 79). За эту успешную операцию русский командир получил денежное вознаграждение от российских властей в сумме 600 рублей (Кидирниязов Д.С., 2013. С. 193).

Прибыв на Сулак в ноябре 1733 г., В.Я. Левашов принял жёсткие меры против отошедших от России некоторых владетелей Дагестана. Действуя дипломатично, а в некоторых случаях и силой оружия, В.Я. Левашов восстановил спокойствие в Дагестане (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 194).

Между тем, в начале 1735 г. российско-персидские переговоры о возвращении шахскому Ирану Прикаспийских областей и части Северного Кавказа уже завершались. Петербург, оказавшись перед перспективой войны из-за конфликта вокруг польского престола и совместных ирано-турецких действий на Кавказе, решил вывести свои войска из Прикаспийских провинций, чтобы превратить Персию из потенциального противника в союзника.

10 марта 1735 г. был заключен Гянджинский мирный договор между Россией и Ираном. Согласно условиям мирного трактата, Россия обязалась вывести свои войска за р. Сулак и передать Персии Баку в две недели, а Дербент «с уездом и ему подлежащими местами», до старой его границы, в 2 месяца (Договоры России с Востоком, 1868. С. 202–207). Это означало, что Прикаспийские области, входившие в состав России после похода Петра I, отходили от неё и снова попадали под власть иранского шаха. Для народов Северного Кавказа договор 1735 г. сулил новые испытания. Эту весть народы Дагестана и всего Северного Кавказа встретили с глубокой тревогой, оказавшись представленными собственной судьбе накануне новых испытаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан. Махачкала, 1994. – 222 с.
- Ахмадов Я.З.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001. – 423 с.
- Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 18003 год. СПб., 1969 Ч. 1. – 548 с.; Ч. 2. – 600 с.; Ч. 3. – 620 с.
- Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. – 392 с.
- Гаджиев В.Г.* Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. – 264 с.
- Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958 С. 60-80.
- Главани К.* Описание Черкесии 1724 г. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XVII. С. 20-35.
- Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1868. – 296 с.
- Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ. 1869. 14 декабря. № 147.
- История Дагестана. М., 1967. Т. 1. – 431 с.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. – 547 с.
- История Чечни с древнейших времен. Грозный, 2008. Т. 1. – 828 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. (КРО). М., 1957. Т. 1. – 478 с; Т. 2. – 424 с.
- Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и России в XVI – XIX вв. Махачкала, 2003. – 218 с.
- Кидирниязов Д.С.* Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIXв.). М., 2011. – 456 с.
- Кидирниязов Д.С.* Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. – 456 с.
- Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I. 1722-1723 гг. М., 1951. – 247 с.
- Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. – 352 с.
- Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. – 323 с.
- Махмудова К.З.* Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. Грозный, 2012. – 500 с.
- Муртазаев А.О.* Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2007. – 176 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 2. Вып. 1. – 589 с.
- Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (РДО). М., 1958. – 336 с.
- Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. – 357 с.
- Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. – 772 с.
- Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. – 244с.
- Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале

- XVIII в. // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 34-56.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 10. Т. 20. – 678 с.
- Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой пол. XVIII в. Махачкала, 1989. – 227 с.
- Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. – 224 с.
- Сотавов Н.А.* Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. – 225 с.
- Сотавов Н.А., Касумов Р.М.* Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008. – 134 с.
- ЦГА РД. Ф. 18. Дербентский комендант. Оп. 1. Д. 168.
- Юдин П.* Мурза Сюнчай Янгличев // Русский архив. М., 1913. С. 158–164.